

Не в храме, но служил. Всего себя Курчатов отдавал науке

Газета "Поиск", 18 января 2013 г.

Ходишь по безлюдному дому, где все так прочно, основательно, и думаешь: кем бы мог быть его хозяин, не будь он величайшим физиком и организатором Игорем Васильевичем Курчатовым? В гостиной - рояль, на стенах картины, у камина - фигура Мефистофеля тяжелого каслинского литья. На втором этаже такой же камин, небольшой бильярд, полки с книгами. Просторный, светлый кабинет с массивными креслами и диваном. У окна письменный стол, на нем бумаги, очки, мундштук с вставленной сигаретой. Рядом маленький столик с тремя телефонными аппаратами - один уж точно "вертушка". Украшений в доме практически нет - за исключением все того же каслинского литья. Пожалуй, человеком искусства - музыкантом, художником - хозяин вряд ли мог быть. Но точно можно сказать: обставленный со вкусом дом принадлежал интеллигенту, скорее всего ученому.

Хижина лесника

Курчатовский институт бережно хранит память об Игоре Васильевиче Курчатове. Его дом - "Хижина лесника", как называл свое жилище хозяин, - построен в 1946 году по проекту известного архитектора И. Жолтовского. Игорь Васильевич жил здесь с женой и братом Борисом, крупным ученым-радиохимиком. В 1969 году не стало жены И. Курчатова Марины Дмитриевны, и на следующий год опустевшую "Хижину" сделали музеем. Теперешний директор дома-музея доктор исторических наук Раиса Васильевна Кузнецова пришла когда-то работать в Курчатовский институт в качестве архивиста. Зашла в музей и уйти не смогла - так заинтересовала ее личность самого Курчатова, пленил и сам дом.

Всю обстановку хозяин "Хижины" приобрел сам. Телевизор смотреть не любил, а оперы и русскую классику слушал с удовольствием. С музыкой, выяснила Раиса Васильевна, связана вся жизнь выдающегося физика. В детстве он играл на мандолине и балалайке в гимназическом ансамбле. Но специального музыкального образования не имел в отличие от Марины Дмитриевны, так что рояль звучал в доме очень часто. На этом инструменте однажды играл Эдвард Теллер, "отец" американской водородной бомбы. Будучи в Москве в 1992 году, он специально

приехал в институт в воскресенье, попросил открыть “Хижину”, разложил привезенные с собой ноты и играл Моцарта. Его очень привлекала личность Курчатова, убеждена Раиса Васильевна.

Неудивительна привязанность хозяина дома к каслинскому литью. Урал - родина семьи Курчатова: Игорь родился в поселке Симский завод в семье землемера 12 января 1903 года. О чем думал Игорь Васильевич, сидя у камина, глядя, как огонь освещает Мефистофеля? Возможно, о вечной борьбе добра и зла. Ведь в 1950-е годы в статьях и выступлениях он призывал запретить испытания атомного оружия, а ядерную энергию использовать лишь в мирных целях. И делом подтвердил это, создав первую в мире атомную электростанцию в Обнинске (1954 год).

Особенно ценных картин в доме нет, за исключением разве что полотна В.Маковского. Изображенный на нем старик напоминал деда - Алексея Константиновича. Он, не зная грамоты, сам выучился арифметике и в Симском заводе считался лучшим "счетоводом". Вывел в люди девятерых детей. Отец Курчатова - Василий Алексеевич - окончил землемерное училище, работал помощником лесничего (это в память о нем Курчатов называл свой дом "Хижина лесника"), да так успешно, что выслужил звание "личного дворянина", был удостоен наград, в том числе ордена "За землеустройство". Прадед - Константин Курчатов, крепостной крестьянин, родом из подмосковного Болшева. Во второй половине XVIII века, когда на Южном Урале строились металлургические заводы, мастеровых набирали из центральных губерний. Горнозаводчик приехал к болшевскому помещику. По легенде, они сели играть в карты, помещик проигрался в пух и прах и расплатился двумя семьями, одной из которых была курчатовская. В этой семье и работать любили, и характера и способностей было не занимать, потому и пробилась в люди. Мать Курчатова была учительницей, из семьи сельского священника.

Испытано на себе

У Курчатова было много талантов, рассказывает Раиса Васильевна, прежде всего, конечно, исследовательский. Первую научную статью опубликовал в 20 лет. Блестящий организатор и, как теперь говорят, трудоголик, работал на износ, не думая о последствиях, испытывая на себе действие радиации. Потому и умер так рано, на 58-м году жизни. Трудовой стаж - всего около 35 лет, а сколько сделано! С

чистого листа создал новую отрасль науки и атомную промышленность. Ландау, которого Курчатов спас от тюрьмы, называл его гением.

Физически сильный, Игорь Васильевич и до войны работал очень много, а уж во время строительства реакторов в Москве и на Урале спал по три-четыре часа в сутки. Борис Львович Ванников вспоминал, что, когда буквально валился с ног, подменял его Курчатов. Мог бы уехать отоспаться в город, но оставался на стройке и жил в вагончике. По утрам вода в рукомойнике замерзала - он разбивал лед и тер лицо ледышками. Однажды у Курчатова шло совещание (в Москве, в 1946 или 1947 году, когда работали по 18 часов в сутки), обсуждение затянулось - директора постоянно отрывали спешные дела... И сам устал, и подчиненные. Тогда Курчатов вызвал машину, и все поехали в Серебряный бор купаться. Окунулись - снова в машину - и в лабораторию. И тут один сотрудник заснул прямо за столом. Курчатов позвал всех в соседнюю комнату: "Дадим отдохнуть товарищу".

Курчатовы уже жили в "Хижине", когда был пущен реактор Ф-1. По случаю праздника Игорь Васильевич пригласил к себе всю лабораторию, человек 70. Столы протянулись через две комнаты. В зимнем саду в кадке цвела индийская сирень. К неудовольствию Марины Дмитриевны хозяин дома сделал широкий жест: срезал все цветы и подарил дамам.

Хороший психолог, он сам подбирал людей в свою команду, говорил с каждым, выясняя, на что способен человек, на каком месте тот мог бы максимально раскрыться. К людям был внимателен и щедр. Для семьи погибшего в блокаду талантливого лаборанта Петра Короткевича добился премии Академии наук в 3000 рублей (потом отдал им свою ленинградскую квартиру). Средства от премий передавал в детские дома, построил институтский детский сад. Нередко просто давал деньги нуждающимся незнакомым людям. Такой это был человек.

Борода и Копнист

Конечно, Курчатов знал, что за глаза его называют "Бородой", и относился к этому добродушно. Однажды, делая доклад в присутствии Курчатова, молодой сотрудник так увлекся, что воскликнул: "Это Борода сказал!" Игорь Васильевич улыбнулся и с довольным видом погладил бороду. В глаза, кажется, только Ефим Павлович Славский (будущий министр среднего машиностроения) называл его "Бородой", но он не обижался.

Курчатов любил розыгрыши. Идет заседание в Академии наук, причем ночью (где-то в конце 1940-х годов). В "предбаннике" ученого ждет один из трех его телохранителей Дмитрий Переверзев. "Глаза слипаются, - рассказывает он, - а академики все говорят". Вдруг дверь открывается, выходит Курчатов: "Слушай, Митяй, поди-ка в буфет (тогда он и ночью работал) и набери побольше пробок от бутылок". "Зачем, думаю, ему пробки?" Набрал две пригоршни, отдал Курчатову. Он пошел в гардероб и положил пробки в карманы пальто академиков: "Пусть дома подумают, чем они по ночам занимаются".

Любил давать прозвища сотрудникам. Завлаба, будущего Героя Социалистического Труда, заядлого охотника (дело было на Урале), в ответ на бесконечные просьбы Курчатов отпустил на один день поохотиться. Но ситуация изменилась - нужно было срочно принимать решение, и Курчатову пришлось это делать самому. А завлаб, наохотившись, забрался в копну и заснул. Когда же наконец явился к Курчатову с повинной, тот посмотрел на него иронически: "Эх ты, копнист!" Так завлаб и остался "Копнистом", нося прозвище, как награду. Игорь

Васильевич давал людям точные, добрые характеристики. Так, А.Сахарова (в 1950-е годы он приглашал его, чтобы, по собственному выражению, "озадачить") называл "светлейшим" и относился весьма уважительно.

Рукребята и др.

Известно, что Сталин принимал Курчатова дважды. К вызовам в Кремль он тщательно готовился: составлял четкий план доклада, а по возвращении записывал беседу. В частности, слова Сталина, что ученые - люди скромные, а работают очень много и надо им помогать, не дожидаясь просьб. К Сталину Игорь Васильевич относился с большим уважением.

Во время борьбы с космополитизмом, в конце 1940-х годов, когда обладателям "пятого пункта" приходилось особенно тяжело и некоторых из них Берия приказал не допускать к секретным сведениям, а потом и вовсе убрать из института, Курчатов написал письмо Сталину, что эти сотрудники ему необходимы для выполнения ответственных работ. Это подействовало - их не тронули. Когда в Московском университете ополчились на философов (1949 год), к Курчатову обратились с просьбой подписать письмо, что эти ученые занимаются лженаукой. Игорь Васильевич, вспоминал Я. Зельдович, ответил ходатаю: если "закрывать" этих ученых, то и нашу "лавочку" (так он назвал свой институт) тоже надо прикрыть, поскольку это мои единомышленники. Письмо не подписал. Никто из его сотрудников не был репрессирован, хотя, естественно, аварии и срывы случались, сроки передвигались, но до карательных мер дело не доходило. А ведь все могло повернуться иначе. Когда пустили реактор Ф-1, в лабораторию нагрянул всемогущий Берия со свитой. Он спросил: как могу я, Игорь Васильевич, верить, что получена цепная реакция? Курчатов ответил просто: а вот слышите хлопки счетчика нейтронов - сначала медленно, а потом все быстрее - это идет реакция деления атомных ядер. Берия поверил и в записке Сталину доложил: реактор Ф-1 пущен.

Курчатовцы вспоминали, что 29 августа 1949 года, когда готовился взрыв атомного заряда, на Семипалатинском полигоне якобы уже находилась команда дублеров, которая должна была заменить Курчатова и его сотрудников, если бы испытание закончилось неудачей. Но было ли это в действительности, неизвестно.

Не нужно думать, говорит Раиса Васильевна, что, раз у Курчатова все получалось, у него не было неприятностей. Их хватало, как и недоброжелателей, и завистников. Однажды сотрудник, войдя в кабинет директора, услышал окончание телефонного разговора. Курчатов говорил резко. Потом положил трубку и как бы издали, еще не переключившись, сказал вошедшему: "Ну что, может, и ты пришел положить камень в мою протянутую руку?" Были и такие, кто писал на него доносы. Про одного сотрудника Марина Дмитриевна знала точно и недоумевала: "Как же так, Игорь, он на тебя пишет, а ты его держишь?!" И что же ответил муж? "Я знаю, но ведь он хорошо работает". Игорь Васильевич был красивый, высокий, стройный человек. В последние годы (он умер 7 февраля 1960 года) носил высокую черную шапку-"пирожок" и, опираясь на палку, гулял в Успенском вдоль реки Москвы, где они с женой жили на даче. Встречные ему кланялись, принимая за священника, спрашивали, в каком храме служит? А он отвечал: я не в храме, но служу!

Юрий ДРИЗЕ

Фото из архива НИЦ "Курчатовский институт"